

С. Н. Булгаков

Карл Маркс как религиозный тип

Сергей Николаевич Булгаков

Карл Маркс как религиозный тип

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572313

Аннотация

«Тема этого этюда может вызвать недоумение и потому нуждается в некотором объяснении. По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия, – не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину – это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное. В указанном смысле можно говорить о религии у всякого человека, одинаково и у религиозно наивного, и у сознательно отрицающего всякую определенную форму религиозности...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Комментарии

С. Н. Булгаков
Карл Маркс
как религиозный тип
(Его отношение
к религии человекобожия
Л. Фейербаха)

1[1]

Тема этого этюда может вызвать недоумение и потому нуждается в некотором объяснении. По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия, – не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек *над* собою и *выше* себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину – это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное. В указанном смысле можно говорить о религии у всякого человека, одинаково и у религи-

¹ Напечатано в «Московском еженедельнике» 1906 года и в отдельном издании (Д. Е. Жуковского). СПб., 1907 года.

озно наивного, и у сознательно отрицающего всякую определенную форму религиозности. Для христианского понимания жизни и истории, кроме того, несомненно, что человеческой душой владеют и историей движут реальные мистические начала, и притом борющиеся между собою, полярные, непримиримые. В этом смысле религиозно нейтральных людей, собственно говоря, даже нет, фактически и в их душе происходит борьба Христа и «князя мира сего». Мы знаем, что могут быть люди, не ведающие Христа, но Ему служащие и творящие волю Его, и, наоборот, называющие себя христианами, но на самом деле Ему чуждые; наконец, и среди отрицателей и религиозных лицемеров есть те, которые по духу своему предвозвещают и грядущего самозванца, имеющего прийти «во имя свое» и найти многих приверженцев. Чей же дух владеет тем или иным историческим деятелем, чья «печать» лежит на том или ином историческом движении, таков привычный вопрос, которым приходится задаваться при размышлении о сложных явлениях усложняющейся жизни. И особенно часто случается вновь и вновь передумывать этот вопрос в применении к столь сложному, противоречивому и в то же время значительному течению духовной жизни нового времени, как социализм, понимаемый именно как проявление *духовной* жизни, потому что экономическое содержание требований социализма может и не возбуждать принципиальных споров и сомнений. Сама историческая плоть социализма, т. е. социалистическое

движение, может воодушевляться разным духом и принадлежать к царству света или делаться добычей тьмы. Таинственная грань разделяет свет и тьму, которые существуют в смешении и, однако, не могут смешиваться между собою.

И при размышлениях о религиозной природе современного социализма мысль невольно останавливается на том, чей дух наложил такую глубокую печать на социалистическое движение нового времени, так что должен быть отнесен к числу духовных отцов его, – на *Карле Марксе*. Кто он? Что он представляет собою по своей религиозной природе? Какому богу служил он своей жизнью? Какая любовь и какая ненависть зажигали душу этого человека?

Дать возможно определенный, окончательный ответ на этот основной и решающий вопрос марксизма было и личной потребностью для автора, в течение нескольких лет находившегося под сильным влиянием Маркса, целиком отдававшегося усвоению и развитию его идей и так трудно и мучительно освобождавшегося затем от гипноза этого влияния. Хочется свести концы с концами, последний раз проверить себя и, уходя навсегда из прежнего жилища, оглядеть охлажденным критическим взглядом предмет пылкого молодого увлечения².

На поставленный вопрос читатель и не ожидает, конечно, получить прописной и незамысловатый ответ, способный

² Я предполагаю здесь известными внешние факты биографии Маркса и имею в виду интерес не биографический, но психологический.

удовлетворить разве только ретивых марксистов из начинающих, именно – что душа Маркса вся соткана была из социалистических чувств, что он любил и жалел угнетаемых рабочих, а ненавидел угнетателей капиталистов и, кроме того, беззаветно верил в наступление светлого царства социализма.

Если бы все это было так просто, не о чем было бы, конечно, и говорить. Однако это и так, и в то же время не совсем так, во всяком случае, неизмеримо сложнее и мудренее. И, прежде всего, что касается личной психологии Маркса, то, как я ее воспринимаю, мне кажется довольно сомнительным, чтобы такие чувства, как любовь, непосредственное сострадание, вообще теплая симпатия к человеческим страданиям, играли такую, действительно, первенствующую роль в его душевной жизни. Недаром даже отец его в студенческие годы Маркса обронил как-то в письме к нему фразу: «Соответствует ли твое сердце твоей голове, твоим дарованиям?» И он, стало быть, останавливался в сомнении перед этим вопросом. К сожалению, при характеристике личности Маркса и истории его жизни мы останавливаемся перед полным почти отсутствием всякого документального материала. Почти отсутствуют и характеристики его личности, сделанные тонким и компетентным наблюдателем и не преследующие цели дать непременно социал-демократическое «житие» (каковы воспоминания Лафарга и Либкнехта). Поэтому в характеристике Маркса неизбежно остается простор

для субъективизма. Если судить по печатным трудам Маркса, душе его вообще была гораздо доступнее стихия гнева, ненависти, мстительного чувства, нежели противоположных чувств, — правда, иногда святого гнева, но часто совсем несвятого. Заслуживает всяческого сочувствия и уважения, когда Маркс мечет громы на жестокость капиталистов и капитализма, на бессердечие теперешнего общественного строя, но как-то уже иначе воспринимается это, когда тут же, вместе с этими громами, встречаешь высокомерные и злобные выходки против несогласномыслящих, кто бы это ни был — Лассаль³ или Мак-Куллох⁴, Герцен⁵ или Мальтэ, Прудон или Сениор. Маркс необыкновенно легко втягивался в личную полемику, и надо сознаться, что вообще полемика эта весьма малопривлекательная, как ни стараются это опровергнуть. Марксом написаны целых три полемических книги (не говоря уже о мелочах), и эти произведе-

³ Посмотрите на первой странице I тома «Капитала» выходку Маркса против своего соратника и друга, притом давно уже мертвого: вместо того, чтобы воздать здесь Лассалю должное, Маркс лишь обвиняет его, правда, в запутанных выражениях, в плагиате у себя.

⁴ Вот для образца примеры: «Один из виртуозов в этом претенциозном крестинизме, Мак-Куллох... говорит с аффектированной наивностью восьмилетнего ребенка» («Капитал», том 1, 363, прим. 216). Вообще в примечаниях «Капитала» эпитеты «пошлый, нелепый» и под. встречаются на каждом шагу, и этот дурной тон усвоен, к сожалению, и последователями Маркса, в частности, привился и в нашей литературе.

⁵ По адресу Герцена была в I томе «Капитала», в первом издании, грубая и безвкусная выходка, впоследствии устранившаяся самим автором из других изданий.

ния теперь тягостно читать, и не только оттого, что полемика вообще возбуждает больший интерес среди писателей, чем среди читателей. Одна из этих книг направлена против Фогта и полна эмигрантских дразг и взаимных обвинений в самых недостойных поступках, в частности в шпионстве; вторая книга – против бывшего друга Маркса Бруно Бауэра, из-за удаления которого из берлинского университета Маркс будто бы отказался от мысли о профессуре, полная издевательств и без всякой нужды получившая почему-то кощунственное заглавие («Святое семейство»); наконец, третья – наиболее известная и ценная книга против Прудона, тон которой тоже не соответствует ни теме, ни недавним отношениям Маркса к Прудону. А сколько этих полемических красот, с которыми трудно было мириться даже в пору наибольшего увлечения Марксом, в библиографических примечаниях I тома «Капитала», сколько там выстрелов из пушек по воробьям, ненужных сарказмов и даже просто грубости (как иначе определить, напр., примечание о Мальтусе и протестантском духовенстве и его чрезмерном деторождении, стр. 516–518 «русск.» пер., ред. Струве). Воспоминания некоторых из современников со стороны, из нейтральных кругов, совпадающие с этим непосредственным впечатлением, рисуют Маркса как натуру самоуверенную, властную, не терпящую возражений (нужно вспомнить борьбу Маркса с Бакуниным^[2] в Интернационале и вообще историю его распада). Известно, какую резкую характе-

ристику Маркса на основании ряда удостоверенных фактов дает Герцен, лично, впрочем, не знавший Маркса. (В новом, легальном издании сочинений Герцена^[3] см. том III, «Былое и Думы»^[4], глава: «Немцы в эмиграции». Герцен рассказывает здесь, как Маркс обвинял Бакунина в шпионстве, когда тот сидел в тюрьме и не мог защищаться, а также ряд попыток набросить тень обвинения и на самого Герцена, которого Маркс лично даже и не знал.) «Демократический диктатор»^[5] – так определяет Маркса Анненков (в известных своих воспоминаниях). И это определение кажется нам правильно выражающим общее впечатление от Маркса⁶,

⁶ Георг Адлер в своей книге «Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft» (Tübingen, 1887) цитирует интересный отрывок из письма демократа Трехова, посетившего Маркса в Лондоне. Трехов формулирует здесь, между прочим, свои личные впечатления от него: «Маркс произвел на меня впечатление не только редкого умственного превосходства, но и значительной личности. Если бы он имел столько же сердца, сколько ума, столько любви, сколько ненависти, я готов бы пойти за него в огонь, несмотря на то, что он не только различным образом давал мне чувствовать, но в конце и открыто выразил свое полнейшее ко мне пренебрежение. Он есть единственный и первый между нами, которому я доверил бы право властвовать и не теряться в мелочах при великих событиях. Я сожалею только ради общей нашей цели, что этот человек наряду с выдающимся своим умом не располагает благородным сердцем. Он смеется над глупцами, которые набожно повторяют вслед за ним катехизис пролетариев, так же как и над коммунистами à la Виллих, так же как и над буржуа. Единственно, кого он уважает, это – аристократы, настоящие аристократы, с полным сознанием этого. Чтобы устранить их от власти, он нуждается в силе, которую находит только в пролетариях, потому к ним он и пригнал свою систему. Несмотря на все уварения в обратном, может быть, именно благодаря им я получил впечатление, что его личное господство есть цель всех его действий» (283, прим.). Конечно, мы вовсе не думаем принимать здесь сказанное à la lettre, но об-

от этого нетерпеливого и властного самоутверждения, которым проникнуто все, в чем отпечатлелась его личность.

Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного, воздействия. В области теории черта эта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуальности. Это теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее естества не существует. Маркс-мыслитель, невольно подчиняясь здесь Марксу-человеку, растворил индивидуальность в социологии до конца, т. е. не только то, что в ней действительно растворимо, но и то, что совершенно нерастворимо, и эта черта его, между прочим, облегчила построение смелых и обобщающих концепций «экономического понимания истории», где личности и личному творчеству вообще поется похоронная песнь. Маркса не смутил, не произвел да-

же сколько-нибудь заметного впечатления бунт Штирнера, который был его современником и от которого так круто приходилось учителю Маркса Фейербаху, он благополучно миновал, тоже без всяких видимых последствий для себя, могучий этический индивидуализм Канта и Фихте, дыханием которых был напоен самый воздух Германии 30-х годов (как чувствуется это влияние даже в Лассале!). И уж тем более Марксу не представлялась возможной разъедающая критика «подпольного человека» Достоевского, который в числе других прав отстаивает естественное право на... глупость и прихоть, лишь бы «по своей собственной глупой воле пожить». В нем не было ни малейшего предчувствия бунтующего индивидуализма грядущего Ницше, когда он зашнуровывал жизнь и историю в ломающий ребра социологический корсет. Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории ничего не происходит, и это упразднение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность есть основная черта марксизма, и она так идет к волевому, властному душевному складу создателя этой системы. В воспоминаниях о Марксе его дочери (Элеоноры) сообщается, что Маркс любил поэзию Шекспира и часто его перечитывал. Мы не можем, конечно, заподозривать правильность этих показаний, возможны всякие капризы вкуса, однако, ища следов это-

го увлечения и осязательного влияния Шекспира на Маркса в сочинениях этого последнего, мы должны сказать, что такового вообще не замечается. И это не удивительно, потому что просто нельзя представить себе более чуждой и противоположной для всего марксизма стихии, нежели мир поэзии Шекспира, в котором трагедия индивидуальной души и неисследимые судьбы ее являются центром. Право, кажется, почти единственный след, который мы находим у Маркса от Шекспира, это цитата из «Тимона Афинского» о золоте и затем не менее приличествующее экономическому трактату упоминание о Шейлоке, но именно внешний характер этих упоминаний только подтверждает нашу мысль о том, что у Маркса нет внутреннего соприкосновения с Шекспиром и музыка душ их совершенно не сливается в одно, а производит чудовищный диссонанс. Марс, несмотря на свою бурную жизнь, принадлежит к числу людей, чуждых всякой трагедии, внутренне спокойных, наименее сродных мятущейся душе Шекспира. Указанная нами основная черта личности и мировоззрения Маркса, его игнорирование проблемы индивидуального и конкретного, в значительной степени предопределяет и общий его религиозный облик, предрешает его сравнительную нечувствительность к остроте религиозной проблемы, ибо ведь это прежде всего есть проблема индивидуального. Это есть вопрос о ценности *моей*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Впервые – «Московский Еженедельник». 1906. № 22. С. 34–43; № 23. С. 24–33; № 24. С. 42–52; № 25. С. 46–54. Отд. брошюрой с подзаголовком «Из этюдов о религии человекобожества» – СПб., 1907. Печатается по – «Два Града. Исследования о природе общественных идеалов» (Сборник статей в двух томах.). М., «Путь», 1911. – Т. 1. С. 69–105, так как относительно последнего прижизненного издания (УМСА-Press, Париж – Варшава, 1929) нет сведений, что оно было авторизовано и что сокращения в тексте, отвечающие задачам популярной библиотечки «Христианство, атеизм и современность», производились самим Булгаковым. Эти сокращения коснулись главным образом аппарата примечаний, а также характеристики Марковского социализма и финала работы. На брошюру 1907 г. откликнулся рецензией Н. А. Бердяев («Критическое обозрение». 1908. № 4. С. 84–88). Сочувственно резюмируя основные мысли Булгакова («Маркс наложил печать своего духа на нейтральные в религиозном смысле социалистические движения, и то была печать воинствующего атеизма»; «пренебрежение к человеческой индивидуальности – вот другая его черта»), Бердяев вместе с тем не соглашается с отрицанием связи между Марксом и Гегелем и с акцентированием влияния на него Фейербаха. Миросозерцание Маркса, замечает

Бердяев, «тесно связано с гегелевским панлогизмом. Марксизм логизирует материю, верит в разумность материального процесса... Духовно роднит Маркса с Гегелем рационалистическое схематизирование мировой истории»; Марксу «несвойственно было своеобразное „благочестие“ Фейербаха»; «связь Маркса с Фейербахом религиозно компрометирует не столько первого, сколько второго»; «Маркс был бы воинствующим атеистом и в том случае, если бы не был учеником Фейербаха».

2.

...нужно вспомнить борьбу Маркса с Бакуниным... – Маркс и Энгельс резко осуждали созданный Бакуниным «Международный альянс социалистической демократии» и в 1872 г. добились исключения Бакунина из Интернационала. См. также: Дюкло Ж. Бакунин и Маркс: Тень и свет. М., 1975.

3.

В новом, легальном издании сочинений Герцена... – Имеется в виду изд.: Герцен А. И. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной. В 7 т. СПб., 1905.

4.

«Былое и думы», глава «Немцы в эмиграции» – Ч. 6. Гл. XVII. По словам автора, Маркс, возражая против

избрания Герцена в один из международных комитетов, «сказал, что он меня лично не знает <...> но находит достаточным, что я русский, и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию...» (курсив автора, см.: Герцен. Т. 11. С. 166).

5.

«Демократический диктатор» – так определяет Маркса Анненков. – «Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны <...> а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил. Маркс уже и не говорил иначе, как такими безапелляционными приговорами, над которыми, впрочем, еще царствовала одна, до боли резкая нота <...> Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и вести их за собой. Предо мной стояла олицетворенная фигура демократического диктатора <...> Контраст с недавно покинутыми мною типами на Руси был наирешительный», – так описывает П. В. Анненков свое впечатление от личности Маркса при знакомстве с ним в Брюсселе в 1846 г. (в его кн.: Литературные воспоминания. М., 1989. С. 278; см. также указ, имен к этому изданию). Ср. с характеристикой Маркса в юношеской шуточной поэме Энгельса «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или Торжество веры...» (1842): «То Трира черный сын с неистойой

душой. / Он не идет – бежит, нет, катится лавиной. / Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный. / А руки он простер взволнованно вперед, / Как бы желая вниз обрушить неба свод. / Сжимая кулаки, силач неутомимый, / Все время мечется, как бесом одержимый!» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 483; курс. авт.).